

**Михаил
Козаков:**

*Разговор после концерта
Ленинградской правды. - 1990. - 30 авг.*

«ЖИТЬ ПО СОВЕСТИ»

СОСТОЯНИЕ нашей культуры вызывает тревогу. И заставляет работников искусства прибегать к всевозможным мерам, чтобы привлечь внимание власти имущих к катастрофическому положению культурно-просветительных учреждений, кинематографии, телевидения, театров и нуждам самих мастеров. С этой целью и была предпринята 28 июня предупредительная забастовка деятелей культуры, в которой в разной форме участвова-

ли все творческие союзы.

Свое отношение к этой мере и к проблемам духовного возрождения общества уже высказали на наших страницах такие ведущие деятели искусства, как народные артисты СССР О. Басилашвили, О. Табаков. Сегодня мы знакомим читателя с разговором, который состоялся с не менее популярным актером театра и кино, народным артистом РСФСР Михаилом КОЗАКОВЫМ.

МЫ ХОРОШО знаем его и как артиста и как режисера. Смотрим его работы в театре, кино и на телевидении. Прониклись уважением к многогранности его творчества, остроте мышления, неуспокоенности.

На творческих вечерах М. Козакова зрители имеют возможность по достоинству оценить его не только как драматического артиста, режисера, но и блестящего эстрадного чтеца, талантливого литератора. После одного из таких творческих вечеров, не случайно названного «Монолог в разных жанрах», актер любезно согласился дать интервью специально для читателей «Ленинградской правды».

— Ровно тридцать лет назад состоялась премьера, по своей сути, антисталинского спектакля «Голый король» по пьесе Евгения Шварца, с которого, собственно, и началась слава театра «Современник». В числе основателей «Современника» наряду с О. Ефремовым, О. Табаковым и другими были вы, выпускники школы-студии МХАТ. Ваше поколение, потом его назвали «шестидесятники», вышло на «волю» во время недолговременной хрущевской «оттепели». Вы считаете счастливой свою творческую судьбу?

— Недавно я выпустил книгу «Рисунки на песке». Первоначальное название ее было — «Записки счастливого человека, страдающего радикулитом...». Без всякой иронии считаю себя в основном, в главном — счастливым человеком моего, в общем-то, относительно счастливого поколения. В трагические годы — 37-м и 38-м, в войну и послевоенную разруху я был еще мал. А в пору самостоятельности стал свидетелем поворота жизни в лучшую для всех нас сторону. Участвовал в создании нового современного театра. С удовольствием вспоминаю эту пору ночных бдений и споров, когда общими усилиями мы вырабатывали устав театра-студии. Труппа делилась на две части — постоянную и переменную. Актеры из постоянной могли переключаться в переменную, и наоборот. Все решалось голосованием. А ему предшествовало предварительное обсуждение, которое происходило по правилам «игры во мнения». В алфавитном порядке каждый уходил за дверь. Его обсуждали по 30—40 минут. Потом его вызывали на манеж и сообщали, что о нем думают. А он слушал все молча, переживал и, конечно, старался догадаться, кто что сказал... В то время «Современник» был своего рода островком в театральной системе страны. Каждый, поступая в наш театр-студию, давал подписку, что согласен с уставом и никаких претензий предъявлять не станет... Так в мучительных ночных бдениях вырабатывались общие критерии, «протравливались» мозги, все это предостерегало от самоуспокоенности... Я счастлив, что так начинал свой путь.

Я счастлив, что дожил до

времени, когда имена Булгакова, Ахматовой, Цветаевой, Мандельштама, Пастернака стоят в афишах. Мы многое сегодня узнали, прочитали...

— А часто ли ставила вас судьба перед необходимостью идти на компромиссы?

— Ставила, конечно. Беспорывно. Как у каждого человека, прожившего длинную жизнь, их, конечно, было достаточно. Бывало, приходилось сниматься в ролях из-за денег. Или в неудачных картинах, о которых можно было бы предположить заранее, что они не получатся. Но вообще-то до конца никогда нельзя сказать заранее, что получится, а что не получится. Даже если берешься за первоклассный материал и даже если ты попадаешь к хорошему режиссеру, то это еще не гарантия того, что будет творческая удача.

Но компромисс предполагает то, что ты заранее знаешь, что материал недостаточно высокого уровня или, допустим, не тот режиссер, или роль ты играешь ту, которую тебе претит играть. И такие случаи бывали. Но я, в общем-то, когда случалось такое, уходил из тех театров, где компромиссы могли быть возможны и впредь. Поэтому моя судьба в достаточной степени причудлива. Я часто уходил из театров, меняя места работы, искал себя на телевидении, в кино, на эстраде. Именно для того, чтобы более или менее существовать по совести.

— Последнее время вы занимаетесь режиссурой. Зрители тепло приняли ваши телефильмы «Безымянная звезда», «Визит дамы», «Покровские ворота», «Случай в Виши», «Фауст», «Маскарад» и другие. А недавно вы закончили фильм-спектакль «Иосиф Бродский». Я входил вместо дикого зверя в клетку». Все эти произведения близки зрителям тем, что в них бьется пульс современной жизни, несмотря на то, что действие может разворачиваться в самое разное время. Как достигается это?

— Есть истины вечные. Долг, любовь, совесть, доброта. Эти нравственные категории неизменны во все времена. О них особенно важно говорить сегодня, когда

общество перестраивается, духовно возрождается.

Мы получаем обилие современной информации — пишу для ума и сердца. Если не будешь ощущать пульс жизни, то перестанешь быть художником. Я постоянно испытываю угрызения совести: что-то не увидел, не услышал, не успел прочитать, не додумал, не пропустил сквозь себя... Художник должен иметь свою активную позицию.

— Михаил Михайлович, политический пейзаж в последнее время очень подвержен изменениям. Что вы об этом думаете?

— Понимаете, в чем дело. У нас было такое ругательное слово — обыватель. Я при всем при том, наверное, в каком-то смысле все-таки типичный обыватель, человек, который имеет детей, внуков. И я смотрю на то, что происходит, с надеждой, тревогой и со страхом. И кидаясь из одной крайности в другую, когда сижу у телевизора, читаю прессу, слежу за всем этим...

— Вы говорите «дети, внуки». А семья у вас большая? Вы счастливы в семейной жизни?

— Если говорить о родителях — мне очень повезло. С детства я был окружен интересными людьми. Родители часто жили в Доме творчества писателей в Комарове. Я присутствовал при чтке новых пьес Евгения Шварца, слышал, как читала стихи Анна Ахматова. У нас дома часто бывали друзья отца — писателя Михаила Козакова — поэты, художники, литераторы.

Сейчас у меня большая семья, много детей и внуков. Я несколько раз был женат. Есть старшие дети, из них только один актер. А дочь — она самая старшая, ей уже 32 года — работает в издательстве. Другая дочь учится в театральном, она в Тбилиси живет. Не знаю, будет актрисой или нет. Да и она сама еще толком не знает, хотя учится, и человек способный, но в нашей профессии, как, впрочем, и во всех остальных, очень много проблем. Сейчас у меня растет маленький сынок. Жена не актриса, она музыкант.

Главное — чтобы и детям и внукам передалось стремление жить по совести. Если все люди будут так жить, тогда будет порядок и в душе каждого и в окружающей жизни.

— Вы оптимист!

— Время сейчас тревожное. Выступает, скажем, по телевидению Гавриил Попов, хорошо и более-менее интеллигентно проходит моссветовское собрание — и появляется вера в жизнь, в хорошие перемены, которые могут произойти. А переключу на другую программу, где требуют, чтобы Нина Андреева присутствовала на сессии Ленсовета, и мне делается страшно, понимаете? Потом включу заседание Верховного Совета — и тут смотря на кого паду.

— Как вы полагаете — предупредительная забастовка деятелей культуры была нужна! Скажется ли она как-то на положении дел в кино, на телевидении? И вообще, что вы думаете о будущем этих областей искусства?

— Сложный вопрос. Сегодня вообще я не знаю, какое будущее всех нас ожидает, а от этого зависит, какое будет кино и телевидение. Сегодня загадывать надолго, да и в мои годы — мне 55 — уже было бы легкомысленно и глупо даже. Поэтому я заглядываю только на ближайшее время. Ставлю спектакль в Театре Сатиры — «Свадьбу Кречинского» в музыкально-драматической форме. И готовлюсь снимать тоже в музыкально-драматической форме картину «Тень» на «Мосфильме» по пьесе Е. Шварца.

— Изменили все-таки телевидению!

— Сейчас телетеатр, как я уже не раз говорил, переживает кризис. В «большом кино» условия работы несравнимо легче. За одну рабочую смену на телевидении надо снять в три раза больше, чем в кино, полезных метров. Телевизионные нормативы устарели. Людей там, как правило, не хватает. Зачастую художник вместе с помощниками своими руками шьют костюмы. Режиссер кроме занятий чистой режиссурой вынужден заниматься административной работой — созваниваться с актерами, вызывать их из примерной на площадку, бегать по производственным делам, даже таскать декорации. И актеры получают гораздо меньше, чем в кино. Производственная база плохая. Декорации делаются кое-как и не вовремя. Не хватает аппаратуры. В них устаревшая аппаратура. Все держится, можно сказать, на голом энтузиазме. Мне бывает стыдно смотреть членам моей группы в глаза. И если что-то мне удалось сделать на телевидении, то лишь благодаря тому, что меня окружали изумительные люди. Немудрено, что с телевидения сейчас уходят лучшие кадры: парадокс заключается в том, что на ТВ не умеют ценить профессионалов, нерасчетливо относятся к людям.

Многое надо менять на телевидении. И все-таки я страстный проповедник телетеатра. И знаю, что обязательно снова приду туда с каким-нибудь замыслом. Несмотря на то, что там можно делать удивительные вещи.

Интервью взял
И. ЛОГВИНОВ
Фото Ю. Чернова